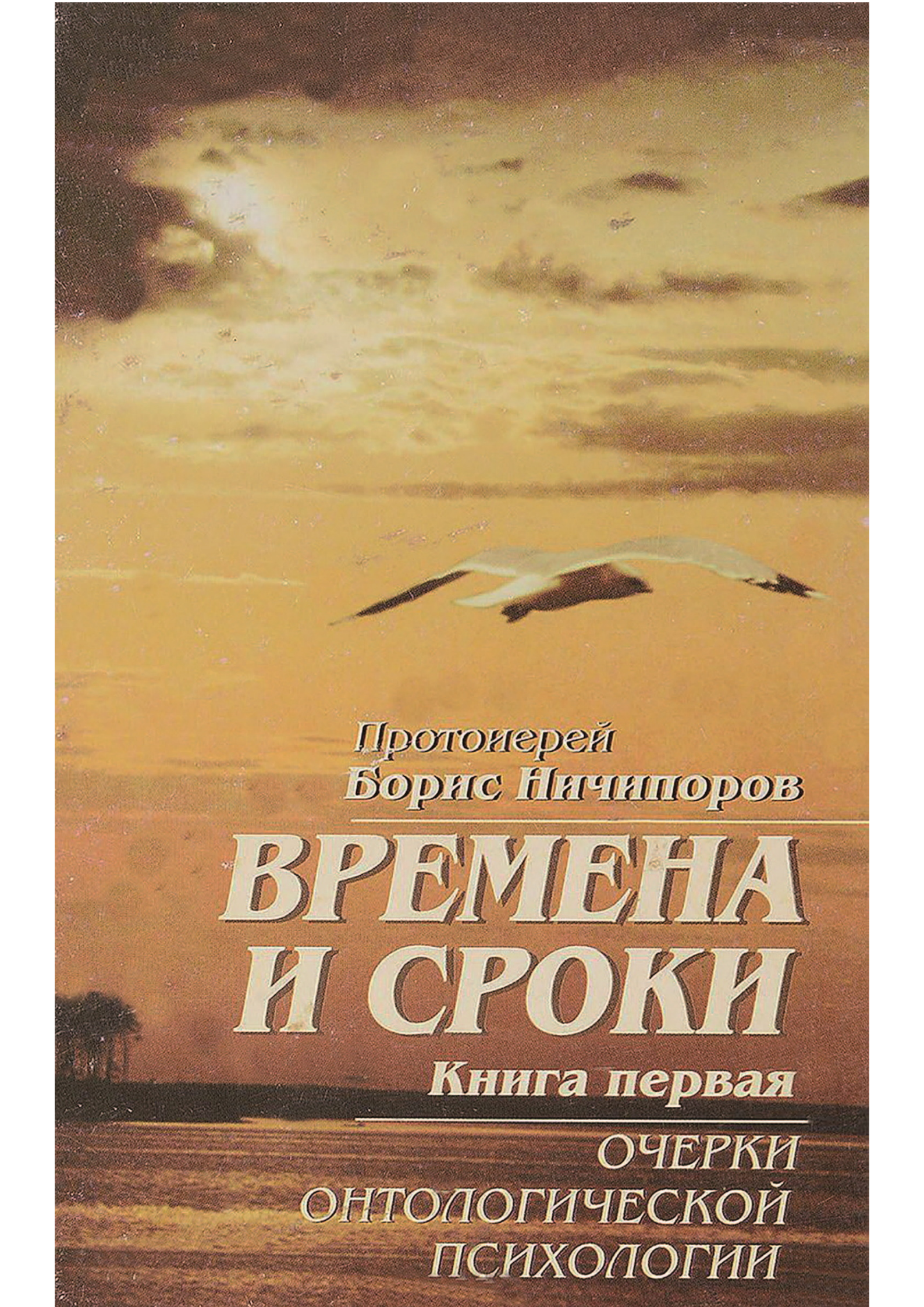

The background of the cover is a photograph of a white bird, possibly a swan or a large gull, in flight. The bird is positioned in the center of the frame, with its wings spread wide. The sky is a deep golden-yellow, suggesting a sunset or sunrise, with some darker, wispy clouds visible. The overall mood is serene and contemplative.

Протоиерей
Борис Платищев

ВРЕМЕНА И СРОКИ

Книга первая

ОЧЕРКИ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Борис Ничипоров

**Времена и сроки.
Книга первая. Очерки
онтологической психологии**

Православное издательство "Сатись"

2001

Ничипоров Б.

Времена и сроки. Книга первая. Очерки онтологической психологии / Б. Ничипоров — Православное издательство "Сатись", 2001

ISBN 5-7373-0241-5

Светской психологии, к сожалению, уже давно не свойственно углубленное исследование духовного (религиозного) аспекта жизни, освоения окружающего мира, обретения знаний и нравственных понятий. В этом смысле книга о Бориса Ничипорова имеет безусловное значение и представляет большой интерес практически для всех читателей, понимающих важность исследования внутреннего мира человека.

ISBN 5-7373-0241-5

© Ничипоров Б., 2001
© Православное издательство
"Сатись", 2001

Содержание

Очерки онтологической психологии	6
Предисловие	6
1	6
2	6
Глава I	10
Антиномия как способ постижения онтологии жизни	10
Проблема и тайна	11
Двойное бытие	13
Созерцание современности	14
Антиномия «Я» – «Другой»	15
Обида и утешение	15
Прекрасное далёко	16
Траектория жизненного пути	17
Глава II	19
1. Энергия	19
Синергийная топография	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Протоиерей Борис Ничипоров Времена и сроки. Книга первая. Очерки онтологической психологии

*По благословению
архиепископа Тверского и Кашинского
ВИКТОРА*

© Борис Ничипоров, текст, 2001 г.

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2002 г.

Очерки онтологической психологии

Насколько дальше идет страдание в психологии, чем сама психология...

М. Пруст

Предисловие

1

Книга клирика Тверской епархии, настоятеля прихода Ильинского храма села Селихово Конаковского района протоиерея Бориса Ничипорова заслуживает быть прочитанной со вниманием. Педагог, кандидат психологических наук, руководитель православного Культурно-образовательного центра, он отобрал для книги своей в разное время им произнесенные пасторские проповеди, беседы, эссе, в которых наиболее четко и последовательно выражено его кредо – православная духовность.

Книга – не умозрительные кабинетные изыски, а живое свидетельство практических дел автора. Священник и ученый, он организовал и возглавил Культурно-образовательный центр «Новая Корчева», названный по имени маленького, но древнего города Корчевы, скрытого ныне водами волжского Иваньковского водохранилища, питающего живительной влагой своей российскую столицу. За десять лет своего существования «Новая Корчева» крепко встала на ноги, являет собой для шести сотен малышей, отроков и отрочиц школу православного духовного становления и возрастания, а для многих из них – и начало глубокого воцерковления.

В 1995 году состоялось незабываемое посещение Тверской епархии Святейшим Патриархом Алексием II, ознакомившемся в пути своем с Центром «Новая Корчева». Предстоятель Православной Церкви высоко оценил и благословил деятельность Центра и его руководителя протоиерея Бориса Ничипорова.

В своей работе православного педагога протоиерей Борис Ничипоров, заслуженный учитель России, следует словам Святейшего Патриарха: «Юные чада нашего народа должны стать подлинными наследниками лучших традиций своих предков. Они должны быть воспитаны в любви к своей земле, к своему народу, ко всему, что составляет его национальное достояние».

О том и книга.

Архиепископ Тверской и Кашинский Виктор

2

Мне, как человеку, много лет работающему в области научной психологии, трудно писать о книге, посвященной религиозной христианской психологии. И вместе с тем я уже давно чувствую, что существуют такие сферы человеческой жизни и сознания человека, которые не охватываются средствами сциентистской психологии и предполагают понимание со стороны других подходов. Многое я увидел в возможностях христианской психологии, и поэтому решил познакомиться с содержанием этой книги и даже написать к ней предисловие.

Интересны суждения В.П. Вышеславцева о семи онтологических ступенях человеческого бытия, имеющих структурные и процессуальные характеристики. Перечислю их: физико-химическое, органическое, коллективное бессознательное, личное бессознательное бытие

человека, его сознательная душа, его духовное сознание и личность, самость и уникальность человека. Первые пять ступеней, как известно, уже сравнительно давно изучают «обычная» физиология и психология. Но они, на мой взгляд, мало что могут сказать о двух последних ступенях. Правда, в последние годы в нашей стране стали появляться серьезные публикации о духовном сознании и духовной уникальности человека, но эти публикации так или иначе были связаны с ориентацией на религиозную философию и психологию, в чем, по-видимому, есть глубокий смысл. Именно этим ступеням человеческого бытия и посвящена рассматриваемая книга.

Второе, что меня в ней заинтересовало, касается способа изложения психологических и педагогических проблем и общих подходов к их решению. Так, достаточно глубоко анализируя отдельные черты духовного сознания и духовной уникальности человека, автор книги использует при этом многообразные поэтические произведения и отдельные афоризмы из Евангелия и других духовных сочинений. В поэзии и духовных сочинениях скристаллизованы многовековые наблюдения и суждения поэтов и проповедников о «духе» человека. Читая же книгу отца Бориса, изумляешься тому, какой огромнейший духовный опыт людей сконцентрирован и выражен в этих произведениях, опыт, который пока не известен (а может быть, и вообще не доступен), так называемой, *научной* психологии и который вместе с тем подробно раскрывается в работах, подобных данной.

Высшая ступень бытия человека, или его последняя ипостась, его уникальность и бесподобие, его последняя глубина все же людьми постигается и раскрывается, но лишь в Боге: *Бог один знает тайну сердца*, – говорит Библия. Или постигается в глубинном и откровенном общении одного человека с другим, близким и любимым ему человеком. Этот уровень постижения себя в другом выражен в таких строках О. Мандельштама:

*Я и садовник,
Я же и цветок.
В темнице мира
Я не одинок.*

«Любовь, – пишет отец Борис, – это ключ к раскрытию тайны «Я – Другой». Молитва и жертвенная помощь открывают мне радость встречи и искренность друга. Тогда я вхожу в близость моего ближнего. Это есть дружба, супружество, отцовство и материнство» (стр. 73).

Некоторые теории светской психологии также стремятся раскрыть тайну уникальности одного человека в реальности его общения с другими, но они до сих пор не могут сформулировать остроту, противоречивость, значимость и глубину всей этой проблемы так, как это выражено в поэтической и духовной литературе. В такой литературе проблема бесподобия духовности одного человека через его раскрытие в духовности других поднята на уровень рассмотрения тончайших отношений дружбы, товарищества, супружества и вместе с тем на уровень сакральной тайны. Видимо, для этого есть должные основания. И если это так, то нужно внимательно прислушиваться к интуитивным высказываниям поэтов и авторов работ по духовной психологии, касающимся столь тонкой и сложной области.

В рассматриваемой книге поднимается вопрос о том, как человек приобщается к Божественным и демоническим силам: к силам добра и зла, благодати и бездны. Только по воле самого человека в него входят те или иные силы (энергийности). Благодать – это любовь, радость, милосердие, вера, воздержание и некоторые другие свойства человека. Добродетельная и подвижническая жизнь способствует проникновению человека в благодать. Усугубление пороков, немощи и отчаяния ведет его в бездну.

Благодать и бездна – два различных духовных начала человека. Психология энергийности, излагаемая в книге отца Бориса, – это, по сути дела, попытка оценить роль и значение

этих начал в сложной жизни человека, в становлении его поступков и личностных отношений. Здесь действительно лежит та область, о которой современная светская психология имеет, на мой взгляд, лишь беллетристические суждения и о которой духовная психология, опираясь на поэтический и религиозный опыт, может сказать нечто более весомое.

Поступок в книге характеризуется через диалог человека с другими и с самим собой, через диалог с разными «голосами» (с голосом собственной совести, с голосом «другого», который может окрылять и соблазнять, с голосом низкого «двойника» как соглядатая и мучителя, с голосом «людской молвы»). Путем диалога человек волен сделать выбор вполне определенного поступка, за последствия которого всегда несет нравственную ответственность. Выбрать поступок – это значит принять решение, «взять на себя» меру риска и неопределенности последствий, выделиться из безличной «молвы». В поступке – весь человек. «Именно через поступок мы узнаем поступь, характер и сущность всей уникальности Другого» (стр. 58).

Нравственный уровень поступка человека зависит от свойств благодати (от любви, веры, милосердия) или от свойств бездны (от немощи, отчаяния и пороков), а также от типа его личности. В книге приведена оригинальная типология: «обыватель», «камикадзе», «подвижник», «фарисей», а также даны тонкие психологические характеристики каждого личностного состояния человека.

Известно, что вопросы принятия решений и жизненного выбора рассматривает, исходя из самых разных теоретических оснований (в том числе опираясь на теорию деятельности), и собственно научная психология. Христианская же психология, представленная в этой книге, описывает соответствующие процессы на основе свойств двух исходных духовных начал человека – его благодати и его бездны – и тесно связанных с ними типов его личности. Поэтому можно сказать, что духовная христианская психология – это психология благодати и бездны, имеющих религиозно-нравственное истолкование. Понятно своеобразие именно такой психологии, опирающейся на духовные сочинения и на поэзию, в чем-то очень близкую по своему содержанию к этим сочинениям (это отчетливо просматривается при рассмотрении автором былин о Садко и Буслаеве, посвященных проблеме онтологического выбора). Такая психология существенно отличается от светской (или научной) психологии и вместе с тем от собственно богословских сочинений, как по тематике, так и по форме. Изложение работ по духовной психологии многое заимствует от эссе.

В этом меня еще раз убеждает прочтение книги отца Бориса. Некоторые специалисты стремятся как-то сблизить работы такого рода с научными, чего, на мой взгляд, не стоит делать, поскольку душевный и духовный мир человека рассматривается религией и наукой в различных и несводимых друг к другу ракурсах, одинаково необходимых современной культуре. К этому стоило бы добавить наличие таких своеобразных, независимых друг от друга и в то же время взаимосвязанных, ракурсов подхода к человеку, как нравственный, художественный и правовой.

В книге отца Бориса по-настоящему красиво представлена феноменология одиночества, его тесная связь с уникальностью человека (и с этим духовно-психологическим описанием вполне совпадают приводимые автором известные стихи М.Ю. Лермонтова). Столь же тонко и психологически корректно описано постижение смерти человеком. Эта труднейшая для всех живущих проблема по плечу именно духовной психологии (как и проблема рождения тела и духа человека).

Часть книги «Педагогика праздника» по своей общей тональности примыкает к «психологии энергий», более того, проистекает из нее. Праздник – это подлинная жизнь, жизнь в благодати, преодолевающая силы бездны. Согласно смыслу античных культур, первая ипостась праздника – линия Дионисия и Эроса, ведущая людей к вольнице и анархичности. Вторая ипостась – линия Аполлона, позволяющая сдерживать дионисийские силы и устанавливающая в душе человека нравственные законы. Эта антиномия диалектически снимается в гармонич-

ном лике Христа, в Его богочеловечности, которая нераздельно объединила две антиномийные реальности.

В книге дана яркая и поэтичная картина двух ипостасей праздника и их не слитного слияния. Здесь автор отчетливо демонстрирует свою приверженность к диалектическим мотивам изложения, признающим антиномии (правда, они присутствуют и в психологии). В этом контексте отец Борис рассматривает основные вопросы воспитания детей, формулируя оригинальные педагогические антиномии. Первая из них выражает соотношение власти и безвластия педагога, вторая – свободы и послушания ученика. Дается и раскрывается третья двухсоставная антиномия – наличие и соотношение молчания и назидания, недеяния и активности.

Признание и формулирование этих антиномий можно считать, на мой взгляд, основой своеобразной христианской педагогики, которая конкретизируется затем в понятии братства как свободном единении самобытных личностей. Братство снимает оппозицию индивидуализма и коллективизма. Есть детско-взрослое братство школы, лица, хора, церковного прихода... Сотворить братство очень трудно, это – игра и праздник. Братство выдерживает самые разные испытания на своем пути. При социально-педагогическом проектировании братства возникают и некоторые другие антиномии. В проектировании и реализации братства необходимо учитывать три детских «хочу»: «хочу быть вместе со всеми»; «хочу, чтобы мне и всем было хорошо»; «хочу, чтобы все это было по правде».

Важно отметить, что, опираясь на установки такой педагогики, отец Борис со своими последователями практически строит культурно-образовательный центр «Новая Корчева» в Тверской области. Старый уездный город Корчева был затоплен в конце тридцатых годов во время строительства волжского водохранилища. Рядом с этим местом существует город Конаково, и созданный в нем на основе праздничной психологии культурно-образовательный центр назван по старому имени.

Интересно то, что педагогика отца Бориса, создаваемая на основе христианского братства, вместе с тем использует современные идеи в области образования, связанные с «лично-ориентированным» воспитанием детей и с проектированием культурно-образовательных центров.

С большим вниманием и, как принято говорить, «на одном дыхании» прочитал я текст отца Бориса, а затем неоднократно возвращался ко многим его местам, обдумывая их внутреннее содержание, их возможную связь с тем истолкованием души и духовности человека, которое мне известно по работам светской психологии и педагогики. И эту связь я нашел, но в основном, по принципу дополнительности. Исходные основания духовной психологии и педагогики братства не совпадают с основаниями привычных для меня наук, и вместе с тем они взаимно дополняют друг друга. То, что отсутствует в одних, имеется в других. И, как я говорил несколько выше, такие разные, но дополняющие подходы не нужно сглаживать. Они решают разные жизненно важные задачи. С одной из них неплохо справляется подход, изложенный в книге отца Бориса.

*Действительный член Российской Академии образования,
доктор психологических наук,
профессор В. В. Давыдов*

Глава I

Проблема и тайна

Антиномия как способ постижения онтологии жизни

Во всех религиозных и просто подлинно правдивых текстах о человеке мы обнаруживаем не просто сложность, но алогизм, совмещение несовместимого. Но странно – именно это обстоятельство и делает текст понятным и глубоким. Христос за мгновение до воскрешения своего друга Лазаря плачет над его телом. Он же называет апостолов и своих учеников *родом неверным* (Мф. 17, 17), а в Нагорной проповеди в их же адрес звучит противоположное: *Вы – соль земли и свет мира* (Мф. 5, 14, 13).

Как мог тот, кто предал (Петр), получить от Учителя благословение на первенство среди апостолов. Но нам-то понятно, что именно мог, и причем по праву, которое рождается, как плод покаянного страдания и анализа жизни, и всякий из нас – обладатель своей высоты и своей же низости. И все это в едином потоке бытия, в единой стихии жизни.

Греки, говоря о человеке, восклицали с одинаковой силой о том, что нет более великого творения, чем человек, но и они же – через строчку: «О! Как ты жалок, человеческий род!» (Эмпедокл). Оппозиция наивного оптимизма и отчаянного пессимизма снимается в антиномии двойного знания о человеке:

1. Человек прекрасен, глубок, обладатель великих божественных дарований, человек богоподобен, он – сам бог, творец и гений.
2. Человек уродлив и низок, неблагодарная тварь, братоубийца и богоубийца, предатель, вор, подлец, лицемер и блудник.

Антиномия у Канта понималась как оппозиция: тезис – антитезис. Но антиномия интуитивной психологии есть и единство, и примирение противоречий и оппозиции. Антиномия – это то, что воссоединяет и примиряет полюса одной и той же природы¹.

Между этими полюсами и в них самих – мы сами. Алчущий и жаждущий правды созерцатель восходит в своем мужестве к способности удержания в одном такте постижения сразу двух этих знаний. И не о «человечестве» вообще (о, как мы любим «человечество» и «всечеловечность»!), а о самом себе. Прежде всего о себе.

Самая популярная песня советского периода «Подмосковные вечера» написана в антиномийном ключе: «Речка движется и не движется, вся из лунного серебра. Песня слышится и не слышится в эти тихие вечера...» И никому не хочется спросить: «Так движется там у вас речка или нет?» Все понятно. Все красиво. Все правда.

Есть правильное духовное состояние, через которое открывается нам сама акция вхождения в антиномийную природу созерцания. Это есть трезвение, воля к удержанию и само удержание в неслиянном единстве сразу двух этих знаний: о себе и о человеке. Антиномийный принцип положен был в основу Халкидонского соборного решения (451 г.), которое сложилось в борьбе с монофизитами².

¹ И уж конечно, такое понимание антиномии ничего общего не имеет с идеями гностической секты антиномистов.

² Эта христология рождена из рефлексии трагического опыта Церкви. Как известно, она отлита в формулу: «Во Иисусе Христе соединяются два естества – Божественное и человеческое – не слитно, нераздельно, неизменно».

Проблема и тайна

Эти два слова никогда не стояли рядом в психологии советского периода. Более того, тайна вообще была изгнана из нашего сциентистского мышления.

И вновь здесь можно говорить в антиномийном залоге:

1. Человек познаваем.

В каком-то смысле он нам «дан», объективирован через тело, он виден нам, как говорят, «милицейским взглядом» в своих реакциях и непосредственности. Я знаю своего сына или друга «как облупленного», и мне не нужно никакого опросника. Я «узнаю себя» в кризисе и горе, в радости и успехе. Я как бы говорю себе: «А! Это опять ты, парень».

2. Человек есть тайна.

Я ложусь спать и на самом деле не знаю, что «день грядущий мне готовит». Я не вполне знаю, зачем я здесь на земле, в это странное время в начале тысячелетия. Я не знаю своего конца. (Я знаю лишь, что он не за горами, а за плечами). Я не знаю смысла многих встреч, размовок и радостей. Я не знаю, что же мне сделалось вдруг:

... так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?³

– Не знаю!

Я не знаю, зачем я Борис, а не Глеб. Мне многое дано, ко мне многое приходит и уходит. Зачем пришло? Почему?

– Не знаю!

И как гоголевская тройка, многое в моей жизни молчит и не дает ответа. Многое молчит, а я не вопрошаю. Я благоговею, дивлюсь и учусь молчанию в сердце. Тайна пути, рождения и смерти, тайна имени, тайна моей самости – все это онтологические тайны.

Попробуем поговорить о психологической реальности вокруг такого, безусловно, мистического понятия, как имя.

Во-первых, имя усвоено и присуществлено личности. Это неотъемлемо мое, и в одном из ракурсов: имя – это я сам. Отсюда выражения типа: «Я должен защитить свое доброе имя». Или: «Сегодня на все лады склоняли твое имя».

У человека есть особые властные полномочия – давать имена, поименовывать вещи, животных и себе подобных. Библия говорит нам о первом человеке: *как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Быт. 2, 19).

Как известно, слово «Израиль» означает «богоборец». Это имя было усвоено Иаковом после его таинственной встречи и борьбы с Богом. Естественно, хотя это и была борьба в реальности, но она же была и символом.

Это библейское место все «завязано» на стихию имени. Во-первых, Бог дает Иакову новое имя Израиль, *ибо ты боролся с Богом, – говорит Господь, – и человеков одолевать будешь* (Быт. 32, 28). Иаков в свою очередь спросил у Бога о Его имени, но получил следующий ответ: *на что ты спрашиваешь о имени Моем? оно чудно* (Быт. 32, 29).

В древности царь давал новое имя наиболее отличившимся приближенным; Иисус Христос назвал Симона Петром: *говорю тебе: ты – Петр* (в переводе – камень) *и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16,18).

³ М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х томах, т.1, стр. 89.

У нас есть необъяснимое влечение к тому, чтобы узнать имя. Молодой человек знакомится с девушкой. И неким кодом того, что встречи могут быть продолжены, является то, что девушка произносит свое имя, «открывается». Мы вспоминаем лирический вопрос:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.⁴*

Имя прямо связано с нравственным ореолом правды. Какое трудное дело – *назвать вещи своими именами!* Лгать – это подменять, подставлять вместо имени кличку. Так именно бывает в лагерной жизни. И здесь нельзя не сказать, что акция поименования есть очень часто особая форма посвящения. В христианской культуре – это таинство крещения. Переименование есть десакрализация личности. Утверждение за человеком клички вместо имени (при его внутреннем согласии) есть профанация личности. Лагерный язык точен.

Несколько лет назад, когда решался вопрос о переименовании города Калинина в Тверь, я спешил и взял такси. И мы обсуждали эту проблему с таксистом. И он сказал тогда, что мол, какая разница, как называть, лишь бы колбаса была. Я ему ответил: «Не знаю, будем ли мы лучше жить при имени Тверь, но в Калинин не было и никогда не будет колбасы». Жители собрались вместе и коллективно солгали, когда перекроили имя. И «до», и уже тем более «после» большая часть из них по сути мистически знала о своей без-родности и безымянности. Сам глагол «переименовывать» в данном контексте вообще неверен. Ибо Калинин – это вовсе не то имя, которое возвысило горожан до творчества и новых свершений. Скорее наоборот. Обретение своего имени – это трудный путь обретения «себя». Имя – это уже итог некоего пути, итог внутреннего движения вниз или вверх по шкале нравственных координат.

В день своих именин всякий христианин молится святому, имя которого он носит, размышляет и о своей, и о его жизни. Именины – это акция породнения с моим старшим и святым братом, благоверным князем и мучеником Борисом. У имени огромная энергичная мощь. Вот человек подходит к двери, а ему говорят: «Сюда нельзя, товарищ!». Он отвечает: «Я от Ивана Петровича». – «Да что же вы сразу не сказали?!»

Когда мы, пусть это не покажется странным, трансформируем этот пример в мир духа, то говорим, что тот, кто духовно *знает*, постигает имя Божие, имеет и иное ведение, и иную энергичность. Правда, если он не несет достойно врученного ему дара знать имя, он ниспадает ниже непосвященного⁵.

Имя всегда *прописано*. Мы всю жизнь ищем свое имя в списках. Вспомним реакцию, когда Вы увидели себя в списках среди поступивших в вуз. Но есть и духовный аналог этого. Когда апостолы пришли ко Христу в радости, что они получили духовную силу, могут исцелять людей и многие идут к ним, Христос сказал им: *однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10,20).

Есть особая власть, притягательность имени, но, пожалуй, только любовь может преодолеть ее. Влюбленная Джульетта на балконе произносит монолог:

*Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?*

⁴ А.С. Пушкин. «Что в имени тебе моем?..» – Собр. соч. в 10-ти томах. М. 1975. Т. 2, стр. 216.

⁵ Да не найдется тот, кто обвинит нас на основании этих простых слов в «имябожестве»: Не надо!

*Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!⁶*

Но ей и Ромео предстоит умереть за одну только принадлежность к клановому имени. Однако и любовь их, и смерть примиряет и «снимает» силу имени кланов. Путь к преодолению силы кланового имени всегда лежит через жертву. И это смерть, смерть в своем пределе...

Двойное бытие

Ф.И. Тютчев пишет:

*О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!⁷*

Само вхождение в природу «иного», инобытия, выводит нас сначала в «инаковость» другого лица, а в своем пределе в иное измерение, иную природу, в иной, нездешний мир со своими неведомыми законами. Их чувствует «вещая», угадывающая (через внутреннее усилие, конечно!) этот мир душа. С.С. Хоружий пишет: «Зло и грехи, вражда и страдания, рабство и унижение и, наконец, вершина всех подобных явлений, смерть – но все наравне чувствуют, что наличная наша жизнь, сам тип реальности, доставшийся нам в удел, – “не то”. Наблюдая, мы видим человека “тянущимся”, “стремящимся”, “взыскующим”». И далее: «Реальность характеризуется расщеплением между наличным бытием и иным ему бытием, а также определенной связью этих двух горизонтов».⁸

Никто, никакой глумливый атеизм не сможет поругать благоговение и удивление перед тайной, которая открывается правде и мужеству. Вспомним:

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.⁹*

И вот когда мы строим наш педагогический концепт, мы должны вводить ребенка именно в реальность двойного бытия. Для освоения здешнего, «посюстороннего» (К. Маркс) бытия нужен хороший учитель и посредник. Еще более важно тонко и пластично открыть ребенку мир духовный, мир Божий. И здесь тоже необходим учитель, духовник, старец. В этом и открывается нам «двойное бытие».

⁶ У. Шекспир. Ромео и Джульетта. – Собр. соч. в 8-ми томах. М. 1992. Т. 6, стр. 67.

⁷ Ф.И. Тютчев. Лирика. – М. 1965. Т. 1, стр. 163.

⁸ С.С. Хоружий. Диптих безмолвия. – М. 1991. Стр. 65–66.

⁹ Б. Пастернак. Стихи. – М. 1966. Стр. 269.

Ребенок знает инобытие лучше нас. Нам остается только поименовать, подтвердить его наличие. И не заслонять мир Божий своим лицемерием, самостью и равнодушием. А во всем остальном нам лишь остается учиться у самого ребенка.

В 1932 году О. Мандельштам писал:

*О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.¹⁰*

«Ближе к смерти» не в прямом смысле, а ближе к тому пределу, где кончается проблема и начинается тайна.

Созерцание современности

Может быть, одной из самых главных ценностей молодых (и не только молодых) людей является желание быть современным. А что это значит?

Сличим два стиха. О. Мандельштам:

*Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?¹¹*

И второе – у Б. Пастернака:

*Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, – подробна.¹²*

К. Юнг говорит, что самое трудное – быть современным. Христос был убит, потому что Он был предельно современен. Ветхий Завет оставался позади.

Страх перед реальностью, греховность, наивная мечтательность о будущем, с одной стороны, или реставрационная ностальгия по прошлому, иллюзии и самообман, с другой – все это мешает нам войти в «узел жизни» (О. Мандельштам), в это «здесь и теперь», в *сегодня*.

Рождество Христово в его пределе схождения в конкретную историческую правду являет нам образ самой «подробности» жизни, ощущения самой ее ткани. Христос родился в конкретном месте, в Теле, и не призрачно понес всю тяготу этой жизни *вместе с нами*. И недаром одно из Его имен, Эммануил, значит «с нами Бог».

Главным препятствием вхождения в правдивое знание о себе являются малодушие и самопревозношение – тщеславие и трусость.

Главным условием самообнаружения себя самого *здесь и теперь* является смирение. Смирение и есть снисхождение в глубины «я». Именно смирение выстраивает, воссоздает полюса *глубина – высота*. Для христиан это очевидно, для психологов – это, может быть, когда-нибудь станет открытием, и открытием великим!

¹⁰ О. Мандельштам. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. – Тбилиси. 1990. Стр. 182.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² Б. Пастернак. «Давай ронять слова...». – Стихи. М. 1966. Стр. 101.

Смирение правильно ориентирует в пространстве. В жизни так и бывает, когда заметишься, засмотришься – сейчас и упадешь, и коленка в кровь... Хорошо, что только коленка.

Есть как бы врата – Сцилла и Харибда вхождения в конкретность (современность) жизни. Первый полюс – это вязкое застревание на деталях – душевная скука – все учесть и ничего не забыть, переутомленность трудолюбивой бездарности. И второй полюс – маниловщина и мечтательность, которая никогда так и не приступит к делу: не возьмет молоток в руки, не сядет за статью, не напишет письмо матери, не пойдет гулять с ребенком. В «Мертвых душах» у Манилова мебель много лет так и стояла в чехлах. Чехол, «накидка» на реальность, которую некому снять, – вот образ мнимоуточенного, малодушного страха перед реальностью. Вопрос: «Неужели я настоящий?» – произнесен из глубин сердца, желающего пробудиться и войти в реальность, в ткань жизни.

Антиномия «Я» – «Другой»

Один из драматических ракурсов бытия – отношения «Я» – «Другой». Правильно говорит И. Ильин: «Человек человеку есть духовно-душевно-телесное инобытие. Каждый из нас, как “душе – дух” пожизненно связан с одним единственным в своем роде телом, которое его овеществляет, изолирует, обслуживает, питает и символизирует... “Ты не я, а я не ты”»¹³

Расхожая фраза: «Ну, знаешь, я от тебя этого не ожидал». Или: «Подождем, что он еще выкинет». Все это рождает потом мудрость: «Чужая душа – потемки». Если не останавливаться на бытовом уровне этого самочувствия, а двинуться дальше штопором вниз, то мы обречем одно из самых ужасно тяжелых страданий – одиночество. «Я один. Вокруг маски. Я обманут, брошен, непонят».

Помните монолог Кириллова из «Бесов»: «Вся планета наша есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке». К этому выстрадавшему постижению надо отнестись очень серьезно.

Но попытаемся выбраться из этой инкапсулированности, из своего футляра и двинуться навстречу своему ближнему. Здесь не все безоблачно. Наша открытость может – увы! – разбиться о цинизм и насмешки. И здесь необходимо различать два вида самоустроения личности. Одно из них *обнаженность*. Это ложная, несовершенная открытость, открытость в состоянии отчаянья и обиды. Второе – *искренность*. Это духовная культура любви к ближнему, культура преодоления собственного двоедушия, лицемерия и эгоцентризма. Но это и культура той меры открытости, которая нужна именно «сейчас», дабы «не метать бисер» своей открытости...

Обида и утешение

Речь здесь идет не о случайных, разовых, «проходных» обидах. Их много. Одни из них забываются мгновенно, другие мы помним дольше, но есть некий глубинный эпицентр – глубинное уязвление, рана. Это вовсе не значит, что мы забыли, как улыбаться и шутить. Но есть нечто трагическое не у человека вообще, а именно у *меня*.

В жизни много обидного:

- невинное страдание («без вины виноватые»);
- столкновение духа с пошлостью;
- зависть и клевета;
- предательство друга;
- сиротство – объективное (детство без родителей) или субъективное («все бросили»);
- ранняя смерть любимой супруги (супруга), ребенка и проч.;
- уход из семьи мужа (жены), которому отданы годы;

¹³ И.А. Ильин. Аксиомы религиозного опыта. – М. 1993. Стр. 42.

– непонимание «моей» уникальности родителями или, напротив, равнодушие и эгоизм детей;

– это болезнь, сковавшая мою телесную свободу;

– это и объективные трудности: отсутствие жилья, безденежье и многое другое.

Одна православная женщина всю свою жизнь материально нуждалась. И ей снится сон. Она как будто заходит в прекрасную комнату. Комната вся увешана самыми драгоценными крестами. И ей голос говорит: «Выбери себе – какой понравится». Она огляделась и увидела такой миниатюрный, но прекрасно изготовленный крест. Он ей приглянулся. Она подошла, берет его в руки, разглядывает, а в его сердцевине надпись: «Нищета».

Преподобный Амвросий Оптинский пишет, что многие наши кресты вырастают на почве нашего же сердца.

Обида, укоренясь, становится некоей то затухающей, то обостряющейся болью. У одних это ярко выражено, у других слабее.

Обида с годами теряет свое первоначальное содержание. Мы уже и не помним, что нас обидело во всей этой жизни. Позже это уже лишь общий вопрос: «За что?!» Или: «Господи! За что?!». Вопрос всегда сочетается с душевным восклицанием.

Христос как Богочеловек имел свое крестоношение. Накануне своих страданий он молился в Гефсимании так: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39).

Это классическое антиномийное утверждение: сначала просьба «да минует Меня чаша», но далее: «впрочем, не как Я».

Символ чаши в христианской культуре также двоякий: чаша – сосуд страданий и слез, но и она же чаша благодати, жизни и радости (см., наир.: Пс.10, 6; 115, 4; Притч. 23, 31; Мф. 20, 22; Откр. 16, 19).

Обида в своей изначальности – это переживание трагического несоответствия искренности и «надежды на лучшее» (меня всегда умилял первый тост с шампанским на Новый год: «С Новым годом, с новым счастьем!»), с одной стороны, и мира с его злом – с другой.

Но есть духовная проблема. Мы не должны пытаться нивелировать, «отреагировать» обиду в мгновение ока. Это наивное устремление. Речь идет не об искусственном забвении обид и их вытеснении, а об утолении обиды, уврачевании раны, прощении...

Правда, каждый из нас может вспомнить людей, которые так и не поднялись над обидой, сломались. Одни спились, другие отчаялись и стали мстительными, третьи и вовсе покончили с собой.

Прекрасное далёко

*Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.
(О. Мандельштам¹⁴)*

Интуиция близости нашего естества: слез и смеха, радости и отчаяния, любви и ненависти – интуиция самой жизни должна лечь в основу наших будущих постижений. Помните упрек Алеши Карамазова в адрес брата Ивана: «А клейкие листочки... а голубое небо, а любимая женщина! Как же ты жить-то будешь?.. С таким адом в груди и голове...»¹⁵

(Но ведь ему и ответ был сильный и точный. Послушаем Ивана: «Есть такая сила... Карамазовская... сила низости Карамазовской».)

¹⁴ О. Мандельштам. «Мне жалко, что теперь зима». – Стихотворения... Стр. 131.

¹⁵ Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы». – М. 1958. Т. 1.

Наше движение в глубину самораскрытия заключается в том, чтобы несентиментально (!) открыть в себе любовь к самой ткани жизни, к этому весеннему и еще «клейкому» листочку, но и здесь не струхнуть и разглядеть в себе и «низость Карамазовскую». Мы будем горе-психологами, если не сможем держать одновременно всю эту вертикаль близости. Кроме того, нам надо выйти и на общность, и близость, и некую простоту «всех нас»: русских, евреев, белых, желтых, бедных, богатых, князей и простецов. Надо не в дерзости, а через постижение понять, что все мы люди с узнаваемостью наших чувств. Изречение преподобного Амвросия Оптинского: «Все мы лапти с одной ноги», имеет не абстрактный, а бытийный смысл. Но понятно, что есть и другой полюс вертикали – полюс разделения по всем выше указанным и многим другим признакам.

Паскаль спрашивает, что мы любим, когда кого-нибудь любим: «Тот, кто любит кого-нибудь за его красоту, любит ли он его? Нет, так как оспа, не убивая самого человека, уничтожит красоту, и любовь к нему прекратится. И если меня любят за мои суждения, за мою память, любят ли меня самого? Нет, так я могу утратить эти качества, не утратив самого себя. Где же “мое” “Я”, если оно ни в теле, ни в душе?»¹⁶ Оно в другом измерении...

Человек, который глубинно помнит подобные откровения, понимает, что проекция жизни обращена в вечность. Именно этот уровень постижения вводит нас в знание, которое открыл нам Осип Мандельштам:

*Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.*¹⁷

Траектория жизненного пути

*Собаки лают, а караван идет.
(Восточная мудрость)*

Путь человека есть путь из бездны. При этом у личности есть особая творческая задача не просто идти, но идти не оглядываясь... Как это?

В книге Бытия Господь говорит Аврааму: *...пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословении.*

И далее следует краткое и простое окончание: *И пошел Авраам, как сказал ему Господь* (Быт. 12, 1–4).

Такое решение не может быть легким, ведь Авраам навсегда покидал родной край, покидал, чтобы стать Ав-ра-а-мом, то есть отцом народов. Он пошел не просто в новую землю, он пошел туда по зову Бога...

При бегстве Лота с семьей из Содома от посланника мы слышим следующие слова:

Когда же вывели их вон, то один из них сказал: спасай душу свою; не оглядывайся назад... спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть (Быт. 19, 17).

Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столбом (Быт. 19, 26). Это была не любознательность, а бабье любопытство и упрямство глупости.

В Евангелие от Луки повествуется, как Господь сказал одному человеку: *следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего.*

¹⁶ Цит. по: Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного эроса. – М. 1994. Стр. 254.

¹⁷ О. Мандельштам. «Дано мне тело...». – Стихотворения... Стр. 42.

Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие.

Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9, 59–62).

Траектория пути каждого из нас, к сожалению, не всегда бывает поступательной. Бывают падения, суета, разбрасывание.

Вспомним в этом же контексте легендарного Орфея. Ему хватило ловкости и умений спуститься в Аид за возлюбленной Эвридикой. Но он не вынес муки идти, не оглядываясь. Он обернулся и не выполнил уговора. Он был прекрасный певец, но не боец. Духовную ошибку Орфей совершил еще раньше. Мужество начинается там, где личность научилась принимать и нести удары судьбы. А в смерти близких есть глубинная скорбь необратимости. Поэтому в Аид не надо было бы спускаться. Но впрочем, тогда мы не имели бы этой трагически прекрасной истории любви.

Вспомним еще одно: отстал Иванушка от сестрицы Аленушки, не послушался сестренки, обернулся, попил водички и стал козленочком. Оглянуться – это значит прервать движение, усомниться в избранном пути, начать топтаться на месте.

К оптинскому старцу Севастьяну пришли посланники Деникина, чтобы он благословил их на борьбу с большевиками. Но старец сказал им: «Что Бог определил – вам не менять». Так он сказал не потому, что одобрял большевиков, а потому, что прозревал судьбу России. Он знал, что Буденный в конце концов победит Врангеля.

Перед дорогой надо присесть, остановиться, помолиться, успокоиться и... оглядеться. Но однажды почувствовав свой путь, надо идти. На этом пути будут падения и крестоношения. Но будет и радость и веселая свобода пилигрима!

Глава II

Энергия – страсти – поступок

1. Энергия

«Я» и двойник

Мы начнем рассуждать на эту важнейшую тему нашей работы с разговора о двойнике. Иннокентий Анненский писал:

*И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?*¹⁸

Этот вопрос И. Анненского для нас является принципиальным. Бывает ли человек один в мистическом смысле? Мы запомним этот вопрос, чтобы вернуться к нему в конце нашего разговора.

С.С. Хоружий определяет человеческую энергию как «всякий род активности человека, равно импульс, начинательное движение к таковому...»¹⁹ Я бы добавил еще сюда же самую энергийную потенцию: реализованную или нет – не важно.

Средневековые споры архиепископа Григория Паламы и Варлаама Калабрийца дали миру следующую антиномийную формулу: «Бог непознаваем по существу, но познаваем через свои энергии». Морализм Варлаама, если бы он был принят Церковью, лишил бы христиан реального живого опыта богообщения, которое, как известно, нашло множество приверженцев в Иисусовой молитве, в практике умного деления, в исихазме. А позже в русской традиции – в учении о благодати преподобного Серафима Саровского.

Традиционно энергии делили на тварные – энергии органического и неорганического мира, а также демонические и нетварные энергии. Нетварные энергии суть благодать Святого Духа.

Демонические энергии, по словам Святителя Григория Нисского, не имеют сущностной основы, ибо сатана *не есть* сущность, *не есть* имя, *не есть* добро. Сатана в онтологическом смысле вообще *не есть*. Но в то же время, святитель пишет: «парадоксальным образом зло в самом небытии имеет свое бытие...»²⁰ Искренне молящийся Богу человек становится причастным энергийности Божества. Он синергирует с благодатью, приобщается Свету, как говорили святые.

Если он служит злу и греху, он также синергирует, взаимодействует с иными силами, с силами бездны и тьмы.

Но есть взаимодействия и синергийная перекличка, обмен и у человека с человеком: «заражение» смехом или кто-то скажет «мне передалось настроение его тоски». «Когда он входит в комнату, по мне как будто ток идет», – говорит влюбленная девушка.

¹⁸ И. Анненский. «Двойник». Избранное. М. 1987. Стр. 24.

¹⁹ С.С. Хоружий. «Диптих безмолвия». М. 1991. Стр. 69.

²⁰ Цит. по: Г.В. Флоренский. «Восточные отцы IV века». – Париж. 1931. Стр. 164.

Есть и синергия нашего тела с солнцем, с воздухом, с пищей, которую мы употребляем.

Синергийная топография

Душа имеет топику и глубину. Об этом говорят нам и Священное Писание, и святоотеческая традиция. Еще Гераклит писал, что границ души нам не отыскать, по какому бы пути мы не пошли – столь глубока ее мера. Человек молится Богу: *Из глубины взываю к Тебе* (Пс. 129, 1). Он же кается и в скорби взывает: «Я погряз в глубоком болоте, мне не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня». Премудрый Соломон обнадеживает нас: *Помыслы в сердце человека – глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их* (Прит. 20, 5).

Вспомним и А.С. Пушкина:

*Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.²¹*

И второе (после глубины) топическое понятие, необходимое нам, – высота. Она имеет два противоположных значения.

1. Высота – это символ человеческой гордыни и самоистуканства, это Вавилонская башня богоборчества и вызова Богу. Недаром же Господь говорит в Пятикнижии: *Разорю высоты ваши* (Лев. 26, 30); и в другом месте: *И узнают все деревья полевые, что Я, Господь, высокое дерево понижаю, низкое дерево повышаю* (Иез. 17, 23).

2. Высота – это образ духовных достижений и вообще самой духовности. Так мы говорим о ком-то: «Он живет высокой духовной жизнью».

Мы размышляем о Боге и вспоминаем Его же слова из пророка Исаии: *Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших* (Ис. 55, 9).

Но в определенном ракурсе постижения эти два понятия сходятся и становятся лишь образами, ибо человек высокой духовности не может не быть глубоким. В данном случае это синонимы.

Теперь мы попытаемся ввести динамические качества энергийной (или синергийной) топографии, наполнить ее содержанием и жизнью. Другими словами, нам необходимо описать различия энергийных качеств. Как это сделать?

* * *

Во-первых, нам надо описать верхнюю энергийную область. И в соответствии с позицией святого Григория Паламы и преподобного Серафима это будет область (или полюс) *благодати*. Это область совместного участия Бога и духовных усилий личности, которые она употребляет к стяжанию благодати. Личность может быть причастна или, напротив, чужда этой сферы, может синергировать, может и нет.

* * *

Противоположный полюс – это полюс безблагодатной синергийной области.

²¹ А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти томах.—М. 1974. Т. 2. Стр. 537.

Мы предлагаем называть эту область – бездной. Бездна – это ад в душе, это сознательное и вольное введение демонической энергии в душу. Бездна синергирует с адом и его духами. Из бездны берет начало путь нашей душевной гибели.

Бездна имеет воронкообразную, «утягивающую», вовлекающую топику. Бездна – это энергичная основа нашей низости. Бездна – это зеркало, обезьяна благодати. Ничего своего, самобытно-творческого бездна родить не может. Она может лишь зеркально обернуть качества благодатного синергирования.

В одной из песен современного поэта иеромонаха Романа есть такой призыв: «Остави отражение тоски!». Это призыв к началу внутренней брани, выходу из бездны.

Эмоционально-волевое выражение содержания бездны в аскетической практике именуется страстью.

Предельно низкая точка, если такую вообще возможно помыслить, есть реальность, а не просто образ. Там, на этом энергичном стыке, человек абсолютно одинок. И такое одиночество не может быть описано только через такие внешние характеристики, как скудность общения или, скажем, замкнутый характер. Одиночество не есть лишь отсутствие душевного тепла по отношению к личности. Одиночество не есть физическое одиночество, ибо можно сидеть в затворе, но таинственно не порывать с людьми, знать их боль и молить Бога о смягчении их страданий. Одиночество в своем пределе есть свободное отвержение посредника между собою и людьми. Посредник есть Бог. Посредник примиряет также меня с самим собой.

Мы уже говорили: бездна – это ад в душе. Это нижнее место в душе. Это место *муки*, душевного огня и тоски самоотвержения. Огонь сочетается не с теплотой, которая греет, а с тем пламенем, который выжигает и ранит. Здесь стоит вспомнить, что выражение «крошечный» значит «кроме», то есть находящийся вне – благодати, вне света, вне тепла. По отношению к душевной онтологии это то, что не есть. Это состояние самозабвения и неузнанности самого себя в себе, состояние «потерянности».

Мы уже говорили, что это зеркальное отражение, «обернутое», не творческое место.

*И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье прищипца²².*

Так об этом у А. Блока.

В качественном залоге – это царство, где умирает всякое положительное начало, это мир никаковски, без-видности. Ад, Аид в буквальном переводе и значит безвидный. В силовом, энергичном смысле – это вовлекающая, затягивающая, манящая, воронкообразная область. По форме Дантовы круги ада легко проецируются на душевную реальность. Эта реальность сочетается с холодом (мир Снежной Королевы). Мистика круга типична для осознания, оформления душевных содержаний. Но этот круг порочный, однообразный, доводящий до глубинной безысходной тоски. Вспомним то же блоковское:

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.
Холодная черта зари —
Как память близкого недуга*

²² А. Блок. Собр. соч. В 4-х томах. – Л. 1960. Т. 1, стр. 211.

*И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.²³*

Это деструктивность смерти, особая псевдоактивность умирания. И опять блоковское, из характерно названного стихотворения «Обреченный»:

*И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?²⁴*

Одной из самых сокровенных тайн души является ее сложность (структурированность, многослойность) и ее простота одновременно. Я говорю: «Мне плохо», и я не размышляю и не говорю, что плохо моему бессознательному. Или в каком месте души плохо? Все это отбрасывается, и «мне просто сейчас плохо» или, напротив, «радостно и светло». Душа одна, едина. И в каком-то смысле различные эмоциональные состояния – это декорирование моей души в различные цвета и краски. А затем смена декораций и другое состояние.

* * *

Теперь нам необходимо описать и ввести энергийное качество, из которого рождается нечто: нам нужно описать сам материал, первопотенцию нашей индивидуальности. Мы назовем это *энергийным хаосом*, вводя это понятие сознательно, понимая, какая традиция тянется за этим словом.

Хаос – это способности и таланты, наследственность и потенции. Это материал для строительства личности. Это и *libido* (З. Фрейд), «аффект жизни» (И. Фихте), стремление к воспроизводству. Хаос – это зерно и силы земли одновременно. Это синергия дальнейшего взаимодействия зерна и земли.

Хаос – материал пока неосвоенный, не облагороженный волей и способностями личности. Это инициации и коллективного бессознательного, которые воздействуют и как бы «проясняются» к преобразению их в индивидуальные содержания сознания. Хаос – есть черновик личности.

*Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.²⁵*

(О. Мандельштам).

На угрожающие провокации хаоса указывает и Федор Тютчев:

*О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!²⁶*

²³ Там же, т. 1, стр. 298.

²⁴ Там же, т. 2, стр. 249.

²⁵ О. Мандельштам. «Рождение улыбки». – Стихотворения... Стр.222.

²⁶ Ф.И. Тютчев. Лирика. – М. 1965. Т. 1, стр. 20.

Области благодати и бездны есть сферы различных духовных начал. И в этом контексте принципиальным энергийным понятием является понятие источника. Откуда энергия, чья сила?! В духовной жизни нет энергии «вообще», энергии из космоса. Нельзя «заряжаться» энергией, если не знаешь, чья эта энергия. И первый духовный вопрос – это не вопрос приятия и потребления энергии, а вопрос различения духов. До тех пор, пока человек не умеет различать энергии (их качество, валентность и источник), до тех пор он не духовен. Духовная ситуация обмана, когда силам зла удастся обмануть человека, и он принимает их за Божественные силы, называется прелестью, прельщением. Без духовника нельзя научиться различать энергии. И, понятно, существуют разные способы проникновения в эти области.

Когда мы говорим о хаосе, то эпиграфом к нашим рассуждениям могли бы быть слова Б.В. Вышеславцева: «Искусство не есть хаос, но есть космос, т. е. красота, и она создается из хаоса из стихийной игры сил... Неправда, что стихийность природных сил и страстей есть само по себе зло. Напротив, она есть условие творчества, ибо космос творится из хаоса».

Как известно, «великие греки знали все»; по Гесиоду, хаос есть одна из мировых первотенций наряду с Геей, Тартаром и Эросом. Так что мы правильно обозначили хаос как ведущую психосоматическую энергийность. У схоластиков хаос понимается как вода или как разлитый воздух. У Марка Аврелия хаос мыслится как вечность, как беспорядочное состояние материи.

В русской культуре есть поразительно глубокий образ – легенда о граде Китеже. Как известно, город, окруженный врагами, чудесным образом ушел под воду. Он должен всплыть и будет более прекрасным, чем прежде. Но зададим наивный вопрос: где город возьмет «материал» для обновления и строительства? Ответ прост – из воды. Вода – образ (кстати, библейский) хаоса. Это и есть «строительный материал» для обновления и преображения города. Но, естественно, при этом есть еще и Идея (говоря современным языком, проект) обновления. И это есть Сам Бог, Дух Божий.

Понятие хаос также имеет свою антиномийность. С одной стороны, он дает возможность всему возрождаться и строиться, но и он же поглощает и как бы проглатывает то, что разлагается и не способно возрождаться. Легендарный Орфей называл хаос «страшной бездной». У Сенеки хаос – общемировая бездна, в которой все разрушается и тонет.

Мы в наших различениях бездны и хаоса, тем не менее, правы, ибо хаос для нас – это прежде всего возможность осуществления двух динамичных функций: становления и преображения. Когда мы говорим «возможность», то мы указываем прежде всего на свободное волеизъявление человека. Человек может воспользоваться этой возможностью, а может и нет. Если хаос хранит в себе творческую потенцию, то бездна – это сама деструктивность, Ничто, ад.

Внутренняя жизнь человека часто являет собой именно этот хаос – безобразный и безобразный. И наша личностная задача претворить его в космос красоты и гармонии. Этому будут мешать и наш собственный «ветхий человек», и провокации демонических сил.

Хаос и бездна реалии одной природы. Но один человек преображает свой хаос и освящает бездну. А другой отождествляется с бездной и погружается в нее.

* * *

Существует и четвертая область – область некой индивидуальной данности греха, низости, несостоятельности, немощи. Это та данность, которая венчает, к сожалению, конечно, уникальность личности, отличает ее от других.

Так на фоне естественной характерной медлительности и тугоподвижности у одного человека постепенно формируются лень и безответственность. А живость и высокая степень переключаемости формируют у другого гневливость и раздражительность...

Должно пройти время, пока, пусть не в полноте, человек будет узнан самим собой, проявит недовольство, поймет совершенную невозможность с «понедельника начать новую жизнь». Тогда же ему откроется психосоматическая греховная дебелость, несостоятельность его индивидуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.